ТОМАС НОРТОН И ТОМАС СЕКВИЛЬ
(1532—1584) (1536—1608)

ГОРБОДУК[1]
(1561)

ОПИСАНИЕ ПАНТОМИМИЧЕСКИХ ИНТЕРМЕДИИ

Распорядок немого зрелища перед первым действием и его объяснение

Сначала начинали играть скрипки, во время чего на сцену выходило шестеро диких людей, одетых в листья. Из них первый нес на спине связку прутьев, которую они яростно и все вместе изо всех сил старались сломать; но им не удавалось сломать ее. Потом один из них вытащил один прут и сломал его, и остальные, вытаскивая все остальные прутья, легко ломали их, один вслед за другим; когда же прутья были в связке, они напрасно пытались осуществить это. Сделав это, они удалились со сцены, и музыка прекратилась. Это обозначало, что объединенное государство противостоит любой силе, но что, будучи раздроблено, оно легко может быть побеждено, как это видно из разделения герцогом Горбодуком между его двумя сыновьями страны, которую он до того держал в единовластии; и о раздоре между братьями, между которыми она была поделена.

Распорядок немого зрелища перед вторым действием и его объяснение

Сначала начинала играть роговая музыка, во время которой на сцену выходил некий король в сопровождении своей знати и джентльменов. И после того как он уселся на приготовленном для него троне, вошел и опустился перед ним на колени важный и пожилой джентльмен и предложил ему стеклянный кубок с вином, от которого король отказался. Потом вошел бодрый и веселый молодой джентльмен и преподнес королю золотой кубок с ядом, который король принял. Выпив, он немедленно упал мертвым на сцену, и его унесли оттуда прочь его лорды и джентльмены, и тут музыка прекратилась. Это обозначало, что поскольку стекло по своей природе не содержит никакого яда, но светло и прозрачно и не склоняется ни перед каким искусством, так же и верный советник не содержит никакого предательства, но прям и открыт, не склонен к лицемерному выражению чувства, но дает здравые советы, которые неблагоразумный властелин отвергает. Великолепнейший золотой кубок, наполненный ядом, обозначает лесть, которая под приятной личиной угодливых слов таит смертельный яд, губящий вкушающего из него властителя, как это произошло с двумя братьями, Феррексом и Поррексом, которые, отвергнув здравые наставления мудрых советников, доверились юным паразитам и тем самым причинили себе гибель и разорение.

Распорядок и значение немого зрелища перед четвертым действием

Сначала начинали играть гобои, и в это время из-под сцены, как будто из ада, появлялись три фурии—Алекто, Мегера и Тизифона—в черных одеждах, запятнанных кровью и с языками пламени, с туловищами, подпоясанными змеями, с головами, увенчанными змеями вместо волос; у одной в руке была змея, у второй—плеть, а у третьей—пылающий факел; каждая гнала перед собой короля и королеву, которые, побуждаемые фуриями, противоестественно убили собственных детей. Имена этих королей и королев были следующие: Тантал, Медея, Атамас, Ино, Камбиз, Алтея; после того как фурии и они трижды обошли сцену, все они удалились, и тогда музыка

прекратилась. И это обозначало противоестественные убийства, следующие за этим, а именно убийство Поррекса, убитого собственной его матерью, и короля Горбодука и королевы Видены, убитых собственными подданными.

Распорядок и значение немого зрелища перед пятым действием

Сначала раздались звуки барабанов и флейт, и в это время на сцену вышел отряд аркебузчиков и вооруженных людей в боевом порядке. Они выстрелили из своего оружия и, после того как отряд трижды промаршировал вокруг сцены, все удалились, и барабаны и флейты замолкли. Это обозначало мятежи, восстания, бои и гражданские войны, следующие за этим, как они случились в Великобританском королевстве, которое в течение пятидесяти лет и более того раздиралось гражданской войной между знатью после смерти короля Горбодука и его потомков, из-за требования некоторых ограничений в престолонаследии до времени Денвалло Молмуциуса, который привел страну к монархии.

Thomas Norton and Thomas Sackville, Gorboduc (1561). Приведено в книге: Henry Morley, English plays, s. 1. a., pp. 50—64.

ДЖОН ЛИЛИ

(1554?—1606)

АЛЕКСАНДР И КАМПАСПА[1]

(1584)

Отрывок из комедии

Платон. Диоген, не явившись вместе с нами к Александру, ты забыл свой долг.

Диоген. А я думаю, что ты забыл свое призвание, согласившись ятти к царю.

Платон. Ты так же гордишься своей невежливостью, как другие своей добродетелью.

Диоген. А ты, будучи философом, столько же тщеславишься тем, что походишь на придворного, сколько настоящий придворный стыдится походить на философа.

Аристотель. Отложи в сторону свой ригоризм, Диоген, ведь всем известно, что ты прежде занимался подделкой фальшивой монеты.

Диоген. А ты, хотя и не делал фальшивых денег, зато подделывал свой собственный характер.

Аристотель. Ты потому так презираешь двор, что, будучи искривлен нравственно и физически, совершенно не годишься для роли придворного.

Диоген. Лучше быть кривым и держать себя прямо, чем быть прямым и гнуть спину при дворе.

Аристотель. Платон, что ты думаешь о Диогене?

Платон. Что он сумасшедший Сократ. Впрочем, пойдем отсюда.

Александр. Чему приписать, Диоген, что ты не хочешь оставить своей бочки и притти ко мне во дворец?

Диоген. Тому, что от моей бочки до твоего дворца ровно такое же расстояние, как от твоего дворца до моей бочки.

Александр. Как? значит, ты не питаешь к царям никакого уважения?

Диоген. Никакого.

Александр. Почему?

Диоген. Потому что они не боги.

Александр. Они—земные боги.

Диоген. Да, боги из земли.

Александр. Платон думает иначе.

Диоген. Я очень рад этому.

Александр. Почему?

Диоген. Потому что я не желал бы, чтобы кто-нибудь думал так, как думает Диоген, исключая самого Диогена.

Александр. Если во власти Александра сделать что-нибудь приятное тебе, скажи—и получишь желаемое.

Диоген. В таком случае я просил бы тебя посторониться и не отнимать у меня того, чего ты не можешь дать,—солнечного луча.

Александр. Чего же ты еще желаешь?

Диоген. Ничего из того, что ты мне можешь дать.

Александр. Но ведь я повелеваю целым миром.

Диоген. А я его презираю.

Александр. Знаешь ли ты, что стоит мне захотеть—и через минуту ты не будешь существовать?

Диоген. Да, это так, но, с другой стороны, я все-таки когда-нибудь умру, не спрашиваясь, хочешь ли ты того или нет.

Александр. Скажи, Диоген, как можно научиться быть довольным своим жребием?

Диоген. Разучившись желать.

Александр. Гефестион, если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном.

John Lily, Alexandre and Campaspa (1584). Приведено в книге: Н. И. Стороженко, Предшественники Шекспира, т. I, Лили и Марло, СПБ, 1872, стр. 119—121. Перевод Н. И. Стороженко.

ОБРАЗЧИК ЭВФУИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ[1]

«Молодой человек,—так начал Эвбулус[2],—хотя мое знакомство с вами слишком мало, чтоб я имел право просить вас, а мой авторитет еще меньше, чтоб я имел право приказать вам, тем не менее мое доброе желание дать вам совет должно побудить вас поверить мне, а мои седые волосы—вестники опытности—заставить вас послушаться меня, ибо чем более я вам чужой, тем более вы должны быть мне обязаны. Подобно тому как ваше рождение носит на себе точный и ясный отпечаток благородной крови, так ваше воспитание кажется мне большим пятном на родословной столь благородного существа, почему я принужден думать, что или у вас не было никого, кто бы вам мог дать добрый совет, или ваши родители своим баловством сделали вас легкомысленным; или они были слишком неблагоразумны, оставляя вас без наставления; или они желали видеть вас ленивым; или вы сами пожелали остаться нерадивым. Разве ваши родители не знали, что детский возраст походит на воск, способный принимать какую угодно форму? Кто, подобно Милону[3], хочет поднимать быка, должен приучиться носить его теленком; кто хочет иметь прямое дерево, не должен гнуть его, когда оно еще ветка. Подобно тому как раскаленное железо принимает под ударами молота любую форму, которую оно, остывши, сохраняет навсегда, точно так же и нежный ум ребенка, если ему сызмала внушать любовь к прилежанию, сохранит это качество и в зрелом возрасте».

Из книги Джона Лили «Эвфуэс, или Анатомия остроумия» (John Lily, Euphues, the Anatomy of Wit, 1579). Приведено в книге: Н. И. Стороженко, Предшественники Шекспира, т. I, примечания, стр. 39—40. Перевод Н. И. Стороженко.